

Уэллс Герберт Джордж

Пища богов

Фантастическая повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герберт Джордж У.**
Пища богов: Фантастическая повесть / Уэллс Герберт Джордж – М.: Книга по Требованию,
2023. – 222 с.

ISBN 978-5-519-78600-3

ISBN 978-5-519-78600-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

хотя я увѣренъ, что получасового урока въ обыкновенной школѣ было бы вполне достаточно, чтобы сбить его съ толку со всѣмъ его остроуміемъ. Насколько я помню, онъ предлагалъ примѣнить усовершенствованіе, сдѣланное имъ въ гевристическомъ методѣ профессора Армстронга; при примѣненіи этого усовершенствованія обыкновенный ученикъ благодаря аппарату стоимостью въ три или четыре тысячи рублей, при полнѣйшемъ пренебреженіи всѣми остальными науками и при безраздѣльномъ сосредоточеніи всего вниманія преподавателя, обладающаго исключительными дарованіями, можетъ въ теченіе дѣсятилѣтняго или двѣнадцатилѣтняго курса почти вполне приобрести тѣ химическія знанія, которыя онъ почерпнетъ изъ любого осуждаемаго общепринятаго учебника, стоящаго какой-то полтинникъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что г. Бенсингтонъ, много лѣтъ тому назадъ, когда онъ избралъ эту спеціальность и рѣшилъ посвятить свою жизнь алкалоидамъ и родственнымъ имъ соединеніямъ, имѣлъ какъ бы намекъ на пониманіе величія науки и даже больше чѣмъ простой намекъ.

И, можетъ-быть, предварительному вдохновенію Редвуда нужно приписать и то, что онъ нѣсколько отличался отъ своихъ собратьевъ и отличался именно постольку, поскольку кое-что изъ юношескихъ видѣній продолжало еще сіять передъ его взорами.

II.

Я называю вещество, составленное г. Бенсингтономъ совместно съ профессоромъ Редвудомъ, Пищей боговъ, и, разсмотрѣвъ то, что уже достигнуто при помощи ея, и все, что она безспорно сулитъ въ будущемъ, нахожу, что это названіе нисколько не преувеличено. Поэтому я и буду во всемъ моемъ разсказѣ такъ называть это вещество. Но г. Бенсингтонъ въ хладнокровномъ настроеніи не рѣшился бы такъ называть его, какъ не рѣшился бы появиться изъ своего жилища на Слоунъ-Стритъ, одѣтый въ королевскій пурпуръ съ гирляндой изъ лавра. Эта фраза просто вырвалась у него изъ устъ, какъ возгласъ удивленія. Онъ въ порывѣ восторга называлъ это вещество Пищей боговъ и не болѣе какъ въ теченіе одного часа. Послѣ этого онъ рѣшилъ, что былъ въ нелѣпомъ настроеніи. Когда онъ впервые подумалъ о томъ веществѣ, которое предвидѣлъ и которое въ дѣйствительности сулило необъятныя примѣненія,—да, буквально необъятныя примѣненія,—то, послѣ проблеска восторга, онъ рѣшительно закрылъ глаза, какъ это и подобаетъ добросовѣстному „научному

человѣку“. Послѣ этого названіе „Пища боговъ“ звучало пошло, какъ-то неприлично. Онъ удивлялся тому, какъ могъ употребить это выраженіе. А между тѣмъ слѣды этого момента ясновидѣнія все еще оставались и порою давали знать о себѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вы знаете,—говорилъ онъ, потирая руки и нервно хихикая, — вѣдь это изобрѣтеніе имѣетъ не только теоретическій интересъ. Напримѣръ, — продолжалъ онъ таинственно, приближая лицо къ лицу профессора и понижая голосъ,—можетъ-быть, если приняться какъ слѣдуетъ, то можно было бы пустить его въ продажу... Да, именно,—говорилъ онъ отходя,—какъ питательное вещество. Или, по крайней мѣрѣ, какъ примѣсъ къ пищѣ. Если, конечно, оно будетъ вкусно, а этого мы не можемъ знать до тѣхъ поръ, пока не приготовимъ его.

Онъ повернулся на каминномъ коврикѣ и сталъ разсматривать ясно обозначавшіеся разрѣзы своихъ суконныхъ штиблетъ.

— Названіе?—И онъ приподнялъ голову, какъ бы отвѣчая на вопросъ. — Съ своей стороны, я питаю пристрастіе къ добрымъ древнимъ классическимъ названіямъ. Это придаетъ извѣстное научное... такъ сказать старомодное достоинство. Я думаю... не знаю, не сочтете ли вы это нелѣпнымъ: что небольшая доля фантастическаго въ данномъ случаѣ безспорно допустима... Что, если назвать это вещество Гераклеофорбіей? Пищей, порождающей Геркулесовъ? Вы знаете, оно могло бы... Конечно, если вы считаете это неудобнымъ...

Редвудъ, устремивъ свои взоры на огонь, ничего не возражалъ.

— Вы находите это названіе подходящимъ?

Редвудъ важно кивнулъ головой.

— Но можно было бы назвать его и Титанофорбіей, пищей Титановъ... Вы предпочитаете первое названіе?

— А вы вполне ли увѣрены, что это не слишкомъ того...

— Нисколько.

— А! Въ такомъ случаѣ я очень радъ.

Итакъ, они въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ своемъ отчетѣ неизмѣнно называли это вещество Гераклеофорбіей. Правда, отчетъ этотъ никогда не былъ опубликованъ, въ виду неожиданныхъ результатовъ ихъ открытія, измѣнившихъ всѣ ихъ планы. Было приготовлено три родственныхъ вещества, прежде чѣмъ они напали на то, которое предусматривали въ своихъ планахъ. Они называли ихъ, Гераклеофорбія № I, № II, Гераклео-

форбія № III и Гераклеофорбія № IV. Настаивая на первоначальномъ названіи, данномъ Бенсингтономъ, я называю только № IV Гераклеофорбію, Пищей боговъ.

III.

Идея эта принадлежала Бенсингтону. Но такъ какъ она была внушена ему однимъ изъ сообщеній, помѣщенныхъ профессоромъ Редвудомъ въ трудахъ философскаго общества, то онъ прежде чѣмъ приступить къ ея осуществленію, счелъ своею обязанностью посовѣтоваться съ профессоромъ. Къ тому же, это, какъ бы то ни было, являлось настолько же физиологической задачей, насколько и химическимъ изслѣдованіемъ.

Профессоръ Редвудъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ „научныхъ людей“, которые отличаются необыкновеннымъ пристрастіемъ къ графическимъ изображеніямъ и диаграммамъ.

Если вы изъ числа тѣхъ читателей, которыхъ я именно имѣю въ виду, то вамъ хорошо знакомы этого рода научные доклады, въ которыхъ вы не понимаете ни начала ни конца, но къ которымъ всегда приложено пять или шесть длинныхъ, сложныхъ діаграммъ, развернувъ которыя, вы увидите зигзагообразныя линіи различной окраски и необъяснимыя извилистыя вещи, называемыя „кривыми“, начинающіяся съ „ординатъ“ и заканчивающіяся въ „абсциссахъ“, и т. п. Вы долго смотрите на эти вещи и, наконецъ, приходите къ предположенію, что не только вы ничего не понимаете, но что и самъ авторъ ничего въ нихъ не понимаетъ. Но въ дѣйствительности вы знаете, что многіе изъ этихъ „научныхъ людей“ вполне понимаютъ смыслъ своихъ докладовъ, а препятствіемъ для вашего пониманія служатъ лишь своеобразности способа передачи ихъ мыслей.

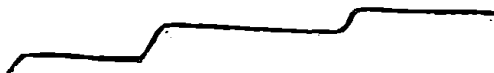
Я склоненъ предполагать, что Редвудъ даже думалъ чертежами и кривыми. И послѣ капитальнаго труда о „періодахъ реакцій“ (научно необразованному читателю стоитъ только нѣсколько подольше посидѣть надъ этимъ трудомъ и для него все станетъ ясно, какъ Божій день) Редвудъ началъ составлять кривыя и сфигмографическія діаграммы относительно роста, и вотъ одинъ изъ такихъ докладовъ, по вопросу о ростѣ, и подаль мысль Бенсингтону сдѣлать его изобрѣтеніе.

Редвудъ, какъ вы знаете, изслѣдовалъ ростъ различныхъ животныхъ и растений—цыплятъ, щенковъ, подсолнечниковъ, грибовъ, бобовыхъ растений и своего ребенка (пока его жена

не воспротивилась этому) и показалъ, что ростъ идетъ не по прямой восходящей линіи, не правильнымъ ходомъ, не по такому чертежу,

а съ перерывами и съ слѣдующаго рода промежутками

и что, повидимому, ничто не растетъ правильно и постоянно; да, насколько онъ могъ прослѣдить, ничто и не могло расти правильно и постоянно; казалось, будто всему живущему нужно или приходится накапливать силы для роста; сильно расти лишь въ теченіе извѣстнаго времени и затѣмъ выжидать, пока не накопятся силы для новаго роста. И на своемъ крайне запутанномъ языкѣ, пересыпанномъ всевозможными техническими терминами, Редвудъ, какъ дѣйствительно осторожный „научный человѣкъ“ высказывалъ предположеніе, что для процесса роста, вѣроятно, требуется присутствіе въ крови значительнаго количества какого-нибудь вещества, накапливающагося очень медленно, и что когда это вещество при ростѣ израсходуется, то возобновляется крайне медленно, и для этого организму нужно нѣкоторое время. Онъ сравнивалъ это неизвѣстное вещество съ масломъ, необходимымъ для смазки машинъ. Растущее животное напоминаетъ, по его словамъ, машину, которая пробѣгаетъ извѣстное разстояніе, но для дальнѣйшаго движенія требуетъ, чтобъ ее мазали.

„Но почему бы не подмазывать механизмъ изнутри,—воскликнулъ г. Бенсингтонъ, читая этотъ докладъ.

„Все это, — замѣтилъ Редвудъ съ восхитительной нервной непослѣдовательностью, свойственной людямъ его круга, — вѣроятно, можетъ нѣсколько выяснить таинственное значеніе нѣкоторыхъ неизслѣдованныхъ железъ.

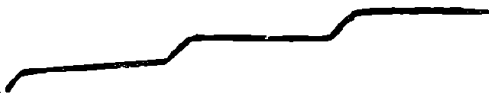
Въ послѣдующемъ сообщеніи Редвудъ пошелъ еще дальше. Онъ приложилъ цѣлый рядъ діаграммъ, очень напоминавшихъ траекторіи ракетъ, и ихъ главную суть—если вообще тутъ она имѣется — доказывающихъ, что кровь щенковъ и котятъ, а также сокъ подсолнечниковъ и грибовъ во время такъ называемаго имъ „фазиса роста“ отличаются содержаніемъ извѣстныхъ элементовъ отъ состава крови и сока въ тѣ дни, когда они не особенно растутъ.

И когда г. Бенсингтонъ, разсмотрѣвъ діаграммы и съ боку и вверхъ ногами, увидалъ это различіе, то сильно былъ удивленъ. Вѣдь разница эта, видите ли, можетъ - быть, и даже очень вѣроятно, происходитъ отъ присутствія того самаго вещества, которое онъ недавно пытался выдѣлить при своихъ изслѣдованіяхъ алкалоидовъ, имѣющихъ наиболѣе сильное возбуждающее вліяніе на нервную систему. Онъ положилъ докладъ Редвуда на патентованный пюпитръ, очень неловко откачнувшись отъ его кресла, снялъ свои золотыя очки, подышалъ на нихъ и сталъ ихъ очень тщательно протирать.

„Боже мой!“—воскликнулъ онъ.

Затѣмъ, надвинувъ снова очки, онъ обратился къ патентованному пюпитру, который, лишь только локоть прикоснулся къ его краю, тотчасъ же кокетливо взвизгнулъ и разбросалъ по полу докладъ со всѣми діаграммами въ скомканномъ и растрепанномъ видѣ. „Боже мой!“—повторилъ г. Бенсингтонъ, налегая животомъ на ручку кресла и не обращая вниманія на неудобства такой позы; но такъ какъ и свѣсившись онъ не могъ достать бумагъ, то принялся подбирать ихъ на четверенькахъ. И вотъ тутъ-то и осянула его мысль назвать это вещество Пищей боговъ...

Видите ли, если онъ правъ и если правъ Редвудъ, то, примѣшивая это, открытое имъ, вещество къ пищѣ „періода замедленія“, получалось бы то, что ростъ, вмѣсто того, чтобы

непосредственно слѣдовалъ бы по восходящей прямой линіи.

IV.

Всю ночь послѣ вышеприведенной бесѣды съ Редвудомъ, г. Бенсингтонъ едва могъ сомкнуть глаза. Казалось, будто онъ погрузился въ сонъ, но это было лишь на одно мгновеніе, и тутъ ему приснилось, будто онъ вырылъ глубокую яму въ землѣ и набиваетъ ее множествомъ тоннъ Пищи боговъ, такъ что земля все вздувается и вздувается, и всѣ границы странъ раздвига-

ются, Королевское же Географическое общество, подобно обширной гильдии портныхъ, занялось распусканіемъ швовъ экватора....

Это, конечно, былъ курьезный сонъ, но лучше характеризующій то состояніе умственного возбужденія, въ какомъ находился г. Бенсингтонъ, и то значеніе, какое онъ придавалъ своему открытію, чѣмъ все, что онъ говорилъ или дѣлалъ наяву. Въ противномъ случаѣ я не сталъ бы упоминать объ этомъ снѣ, такъ какъ вообще не считаю нисколько интереснымъ занятіемъ для людей рассказывать свои сны.

По странному совпаденію, и Редвуду въ эту ночь приснился слѣдующій сонъ:

Такова была діаграмма, начертанная огнемъ на длинномъ свиткѣ бездны. И онъ (Редвудъ) стоялъ на планетѣ передъ какой-то черной платформой, читая лекцію о возможности и новаго рода ростѣ Самому Высшему Королевскому Институту Первоначальныхъ Силъ,—силъ, которыя до сихъ поръ даже въ дѣлѣ роста племенъ, имперій, солнечныхъ системъ и міровъ слѣдовали по слѣдующей кривой

и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже по такой дугообразной линіи

И вотъ онъ, Редвудъ, вполне ясно и убѣдительно доказывалъ членамъ этого института, что эти медленные и даже ретрогрессивные методы роста въ очень скоромъ времени будутъ совсѣмъ упразднены, благодаря его открытію.

Станный, конечно, сонъ! Но онъ тоже служить извѣстнымъ показателемъ.

Я ни на минуту не думаю утверждать, что каждый изъ этихъ сновъ имѣетъ глубокое или какое-нибудь пророческое значеніе, помимо того, которое нами уже категорически было сказано выше.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опытная ферма.

I.

Г. Бенсингтонъ первоначально предложилъ на головастикахъ испытать это вещество, какъ только онъ дѣйствительно его добудетъ. Ученые всегда дѣлаютъ подобнаго рода опыты вначалѣ надъ головастиками, которые, повидимому, для этого и созданы. Наши „научные люди“ пришли къ соглашенію по вопросу о томъ, что опыты эти будетъ дѣлать г. Бенсингтонъ, а не Редвудъ, такъ какъ лабораторія Редвуда занята была баллистическимъ аппаратомъ и животными, необходимыми для изслѣдованія вопроса объ ежедневныхъ варіаціяхъ въ количествѣ боданій молодого быка; это изслѣдованіе давало очень ненормальныя и разнообразныя кривыя, и присутствіе стеклянныхъ сосудовъ съ головастиками было крайне нежелательно до тѣхъ поръ, пока это специальное изслѣдованіе не будетъ закончено.

Но когда г. Бенсингтонъ сообщилъ кузинѣ Жанъ часть своихъ замысловъ, то она энергично воспротивилась появленію въ ихъ квартирѣ значительнаго количества головастиковъ или какихъ бы то ни было животныхъ, нужныхъ для опыта. Она ничего не имѣла противъ того, что онъ пользовался одной изъ комнатъ для химическихъ опытовъ надъ невзрывчатыми веществами, которые, насколько это ея касалось, сводились къ пустякамъ; она позволила ему имѣть газовую печь, трубу и вытяжной шкапъ для пыли, избавлявшій отъ еженедѣльной бурной чистки, которую она не пропускала. Зная людей, преданныхъ крѣпкимъ напиткамъ, она считала его уединенныя занятія, выдвигавшія его въ ученыхъ обществахъ, прекраснымъ отвлекающимъ средствомъ отъ болѣе грубыхъ формъ извращенности. Но она не могла и не желала терпѣть у себя значительное количество какихъ бы то ни было существъ, „шевелиющихся“ при жизни и „воняющихъ“ послѣ смерти. Она утверждала, что это навѣрное нездорово, и что Бенсингтонъ къ тому же необыкновенно деликатный человѣкъ; нелѣпо было бы утверждать, что онъ не былъ деликатнымъ человѣкомъ. А когда Бенсингтонъ попытался было выяснитъ громадное значеніе этого возможнаго открытія, она возразила, что все это очень хорошо, но если бы она согласилась дозволить ему все загрязнить и все заразить (а къ этому неизбѣжно все бы это свелось), то она увѣрена, что онъ первый сталъ бы жаловаться.

И г. Бенсингтонъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, невзирая на мозоли, и твердо и сердито убѣждалъ ее. Онъ говорилъ, что ничто не должно препятствовать успѣхамъ науки; она возражала, что успѣхи науки—одно, а куча головастикавъ въ комнатѣ нѣчто совсѣмъ другое; онъ говорилъ, что въ Германіи человѣкъ, дѣлающій такое важное открытіе, какъ онъ, безспорно имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи вполнѣ приспособленную лабораторію въ двадцать тысячъ кубическихъ футовъ, а она замѣтила, что рада и всегда была очень довольна, что она не нѣмка; онъ утверждалъ, что такое открытіе прославило бы его навѣки, а она замѣтила, что онъ навѣрное заболѣлъ бы, если бы она согласилась держать у себя кучу головастикавъ; онъ настаивалъ на томъ, что онъ хозяинъ у себя дома, а она возражала, что предпочтетъ взять мѣсто надзирательницы въ школѣ, чѣмъ слѣдить за головастиками; онъ упрасивалъ ее быть разсудительной, а она уговаривала его быть благоразумнымъ и отказаться отъ его фантазій относительно головастикавъ; наконецъ онъ замѣтилъ, что она должна была бы уважать его идеи, а она заявила, что отнюдь не должна, если онѣ сводятся къ вонючимъ головастикамъ; послѣ того онъ вышелъ изъ себя и, вопреки классическимъ замѣчаніямъ Гексли по этому вопросу, произнесъ дурное слово. Не очень, правда, дурное слово, но все же довольно нехорошее.

Она сильно этимъ оскорбилась, и ему пришлось извиниться и въ этихъ извиненіяхъ навсегда похороненъ былъ вопросъ объ испытаніи дѣйствія Пищи боговъ на головастикавъ въ ихъ квартирѣ.

Такимъ образомъ, Бенсингтону приходилось придумать какой-нибудь другой способъ для испытанія дѣйствія его вещества, какъ только оно будетъ выдѣлено и приготовлено. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ обсуждалъ вопросъ о возможности снять квартиру и поручить головастикавъ какой-нибудь особѣ, заслуживающей довѣрія, какъ вдругъ однажды, взглянувъ на объявленія въ газетахъ, его мысли сосредоточились на вопросѣ объ опытной фермѣ.

И цыплята! Онъ тотчасъ же подумалъ о нихъ и рѣшилъ, что это будетъ ферма для разведенія птицъ. Ему ярко рисовалась картина цыплятъ, необыкновенно растущихъ, картина куръ и крысъ, принимавшихъ громадныя размѣры. Цыпляты такъ доступны, ихъ такъ легко выкармливать и наблюдать, обращаться съ ними гораздо проще, и легче ихъ взвѣшивать и измѣрять, такъ что по сравненію съ ними головастики представлялись ему теперь животными совершенно дикими и не подлежащими контролю. Онъ рѣшительно не понималъ, почему онъ съ самага

начала не подумалъ о цыплятахъ вмѣсто головастикавъ. Помимо всего прочаго, это избавило бы его отъ непріятностей съ кузиной Жанъ. Когда онъ сообщилъ свой планъ Редвуду, послѣдній вполнѣ съ нимъ согласился.

Редвудъ замѣтилъ, что съ его точки зрѣнія люди, занимающіеся экспериментальной фізіологіей, дѣлають крупную ошибку, производя свои опыты надъ маленькими животными. Это совершенно то же самое, какъ продѣлывать химическіе опыты съ недостаточнымъ количествомъ вещества, при чемъ ошибки въ наблюденіяхъ и манипуляціяхъ становятся въ такихъ случаяхъ несоотвѣтственно крупными. Очень важно именно теперь людямъ науки заявить свои права на крупный матеріалъ. Свою серію теперешнихъ наблюденій онъ, поэтому, производитъ въ Бондъ-стритъ Колледжѣ надъ молодыми бычками, вопреки значительному неудобству для студентовъ и профессоровъ другихъ предметовъ, зависящаго, впрочемъ, отъ ихъ случайнаго легкомыслія въ коридорахъ. Но зато кривыя, получаемыя имъ, необычайно интересны и, когда будутъ опубликованы, то вполнѣ оправдаютъ сдѣланный имъ выборъ. Что же касается до него, то если бы въ Англіи не было недостатка въ средствахъ, ассигнуемыхъ на научныя изысканія, то онъ никогда не сталъ бы производить изслѣдованія надъ животными, меньшими, чѣмъ киты. Но общественный садокъ достаточныхъ для этого размѣровъ былъ бы въ настоящее время, какъ онъ имѣетъ основаніе опасаться, сочтенъ въ Англіи за утопическое требованіе.

Бычки Редвуда требовали его повседнежнаго вниманія, и потому Бенсингтону пришлось, главнымъ образомъ, заняться выборомъ и устройствомъ опытной фермы. Точно такъ же и всѣ расходы, само собой понятно, должны были падать на того же Бенсингтона, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока эта ферма не станетъ приносить доходъ. Поэтому онъ то занимался въ своей домашней лабораторіи, то пріискивалъ фермы по желѣзнодорожной линіи, идущей къ югу отъ Лондона, и его замѣчательныя очки, голая лысина и распущенные суконные штиблеты наполняли души многихъ собственниковъ неподходящихъ фермъ тщетной надеждой. Онъ пустилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во многихъ ежедневныхъ газетахъ и въ „Nature“ публикацію о томъ, что ищетъ отвѣтственную супружескую чету пунктуальную, дѣятельную, знакомую съ птицеводствомъ, которая могла бы всецѣло взять на себя веденіе опытной фермы въ три акра.

Онъ нашелъ и подходящее, повидимому, мѣсто въ Гиклиборо, близъ Уршота, въ Кентѣ. Это былъ чудный маленькій уединенный участокъ въ долинкѣ, окруженной стариннымъ сосновымъ

лѣсомъ, мрачнымъ и страшнымъ по ночамъ. Высокій песчаный бугоръ служилъ границей съ запада, а благодаря длинному шесту колодда съ развалившимся навѣсомъ самое жилище казалось еще меньше: маленький домикъ былъ совсѣмъ голый, съ нѣсколькими разбитыми окнами, а сарай находился въ полдень въ тѣни. Участокъ этотъ былъ въ полутора миляхъ отъ послѣдняго дома деревни, и уединенность его очень сомнительнымъ образомъ вознаграждалась особымъ свойствомъ этой мѣстности—многократнымъ эхо.

На Бенсингтона это мѣстечко произвело впечатлѣніе, какъ особенно приспособленное для требованій научныхъ изслѣдованій. Онъ расхаживалъ по участку, рисуя метлой расположеніе курятника, и нашелъ, что кухня можетъ вмѣстить достаточное количество инкубаторовъ *) и насѣдокъ при самыхъ ничтожныхъ приспособленіяхъ. Какъ бы то ни было, но онъ приобрѣлъ эту ферму, а на обратномъ пути въ Лондонъ онъ остановился въ Дѣнтонъ Гринъ и заключилъ условіе съ супружеской четой, откликнувшейся на его объявленіе. Въ тотъ же вечеръ ему удалось добыть такое количество гераклеофорбіи № 1, какого было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы оправдать эти предпріятія.

Супружеская чета, которой предстояло, подъ руководствомъ г. Бенсингтона, быть первыми раздавателями на землѣ этой Пищи боговъ, была не только очень стара, но и необыкновенно грязна. Этого послѣдняго обстоятельства г. Бенсингтонъ не замѣтилъ, такъ какъ жизнь, посвященная экспериментальной наукѣ, сильнѣе всего губить способность общаго наблюденія. Они, эти супруги, назывались господинъ и госпожа Скиннеръ, и г. Бенсингтонъ велъ съ ними переговоры въ маленькой комнаткѣ съ герметически закупоренными окнами, съ загрязненнымъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ каминомъ, и съ двумя хилыми растеніями на окнахъ.

Г-жа Скиннеръ была очень маленькая старушка, не носившая чепца на своихъ грязныхъ сѣдыхъ волосахъ, туго зачесанныхъ назадъ, при чемъ на ея лицѣ, вначалѣ довольно сильно, а теперь, вслѣдствіе потери зубовъ, сокращенія подбородка и сморщенности всѣхъ остальныхъ частей исключительно выдавался одинъ лишь носъ. Она носила платье цвѣта аспидной доски (поскольку ея платье вообще имѣло какой-нибудь опредѣленный цвѣтъ), въ одномъ мѣстѣ окаймленное красной фланелью. Она впустила Бенсингтона въ комнату и

*) Инкубаторъ—садокъ для искусственнаго вывода цыплятъ.

(Перев.).